

Жили-были старик со старухой. И были у них кошечка-судомочка, собачка-пустолаечка, овечка-тихоня и Басуля-коровушка.

А рядом с ними жил в овраге Евстифейко-волк. И этот Евстифейко большой разбойник был.

И вот настала зима, снег выпал, ударил мороз. Нечего стало Евстифейке есть. Вот приходит он к старику и говорит:

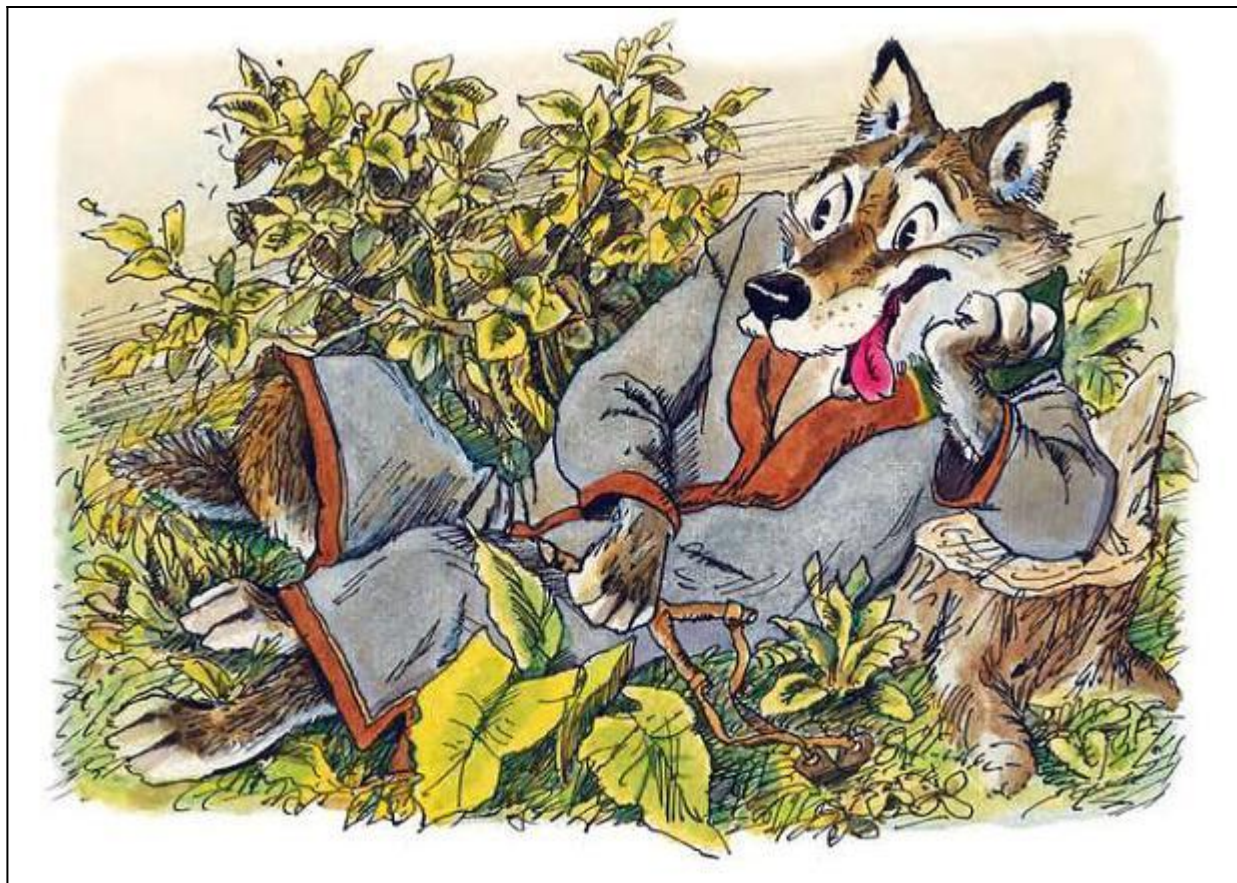
– Здорово, старик.

– Здравствуй, Евстифейко-волк.

– Ты, старик, отдай мне старуху, я её съем.

– Вот ещё чего выдумал. Мне старуху жалко.

– Тогда давай чего другое, а то у меня в животе бурчит. Пристал Евстифейко, никак от него не открутишься. Делать нечего, отдал старик кошечку-судомочку.

Проглотил её Евстифейко – опять к старику прибегает:

– Давай старуху – в животе бурчит.

Не хочется старику старуху отдавать – отдал собачку-пустолаечку. Но Евстифейке и этого мало.

Пришлось старику овечку-тихоню отдать. Проглотил Евстифейко тихоню, опять прибегает:

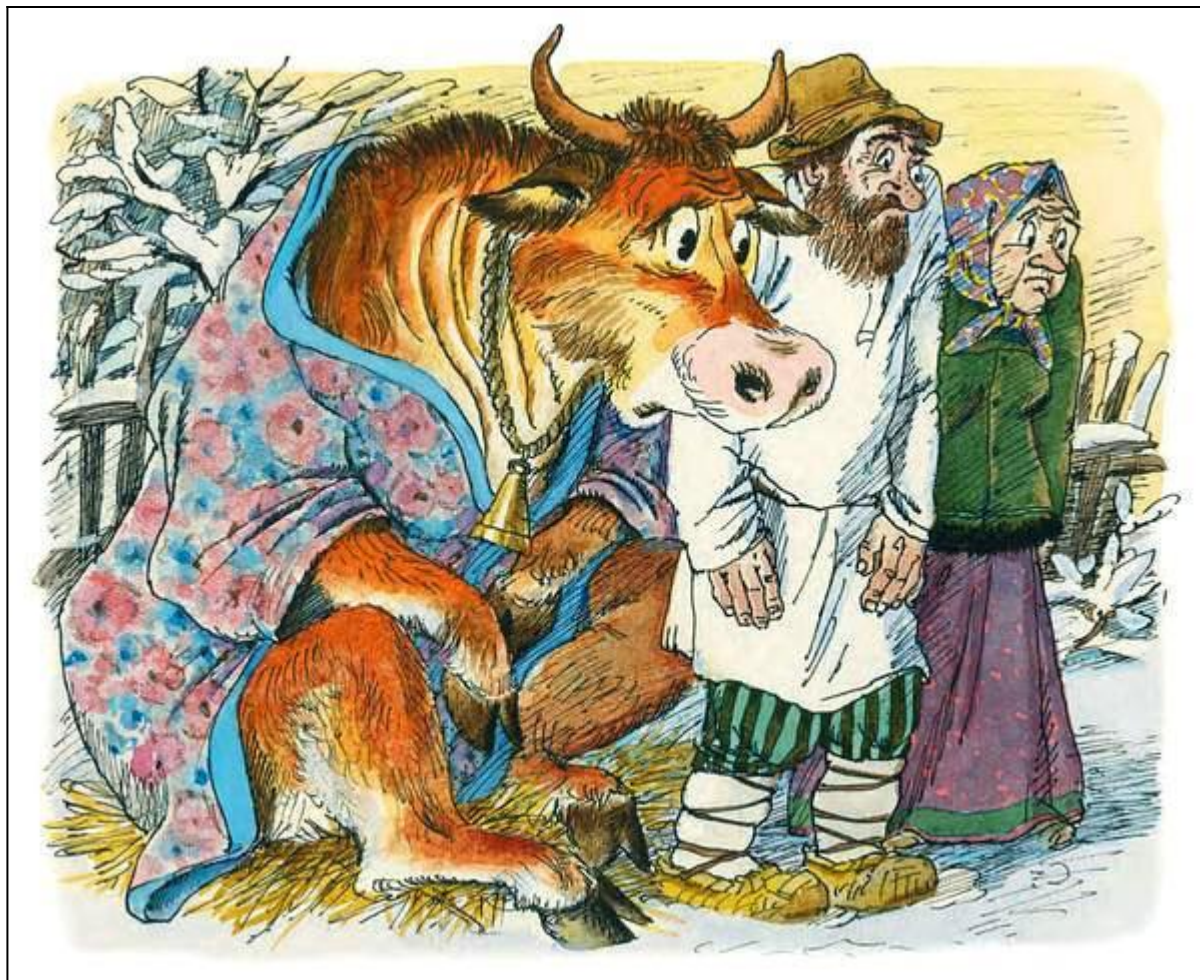
– Давай старуху.

– Дудки, – сказал старик. – Не отдам бабу!

– Дак в животе играет. Отдал Басулю-коровушку. А корова-то здоровенная была да бодливая.

«Надеюсь, подавится», – думает старик.

Но Евстифейко и коровушку проглотил. И два дня он – это верно – не приходил к старику, а тут опять заявляется. Идёт, кое-как лапы переставляет, еле брюхо по земле волочит.

– Здорово, – говорит, – старик.

– Здравствуй, Евстифейко-волк.

– Да, вот они какие дела-то, – Евстифейко говорит, – с животом-то моим.

– А чего такое-то? – старик говорит, будто не понимает.

– Играет живот. Прислушался старик – и верно, играет живот. И собачка там лает, и кошка мяучит, и корова мычит.

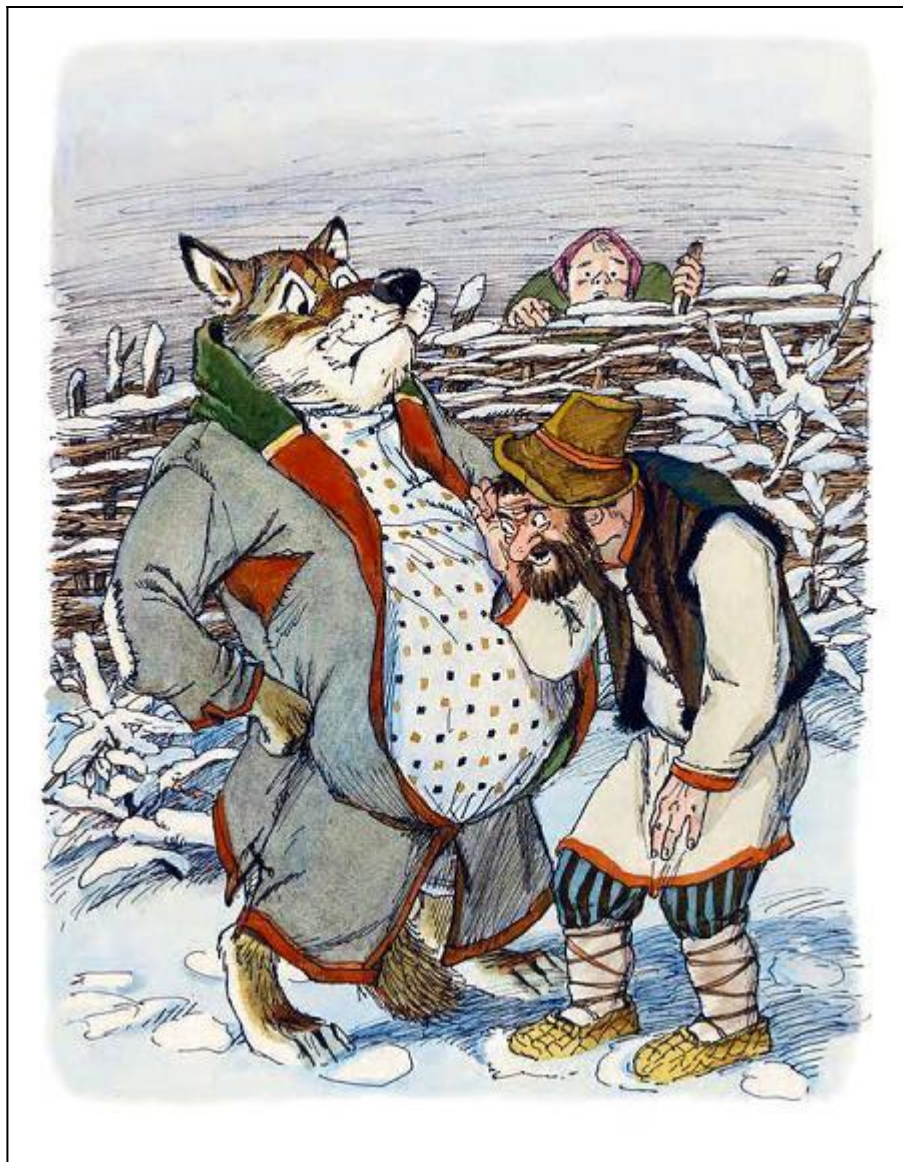
Только овечки-тихони не слышно. Непонятно, в животе овечка или ещё где.

- Так ты чего? - старик говорит. - Старуху, что ли, хочешь?

- Ну да, - Евстифейко объясняет, - давай бабку, я её съем.

- Не дам бабку, - старик говорит, - лучше меня глотай.- С удовольствием, - Евстифейко говорит, - проглочу. Я вообще-то давно хотел тебя проглотить, да только неловко было говорить. Поэтому я про бабку и намекал.

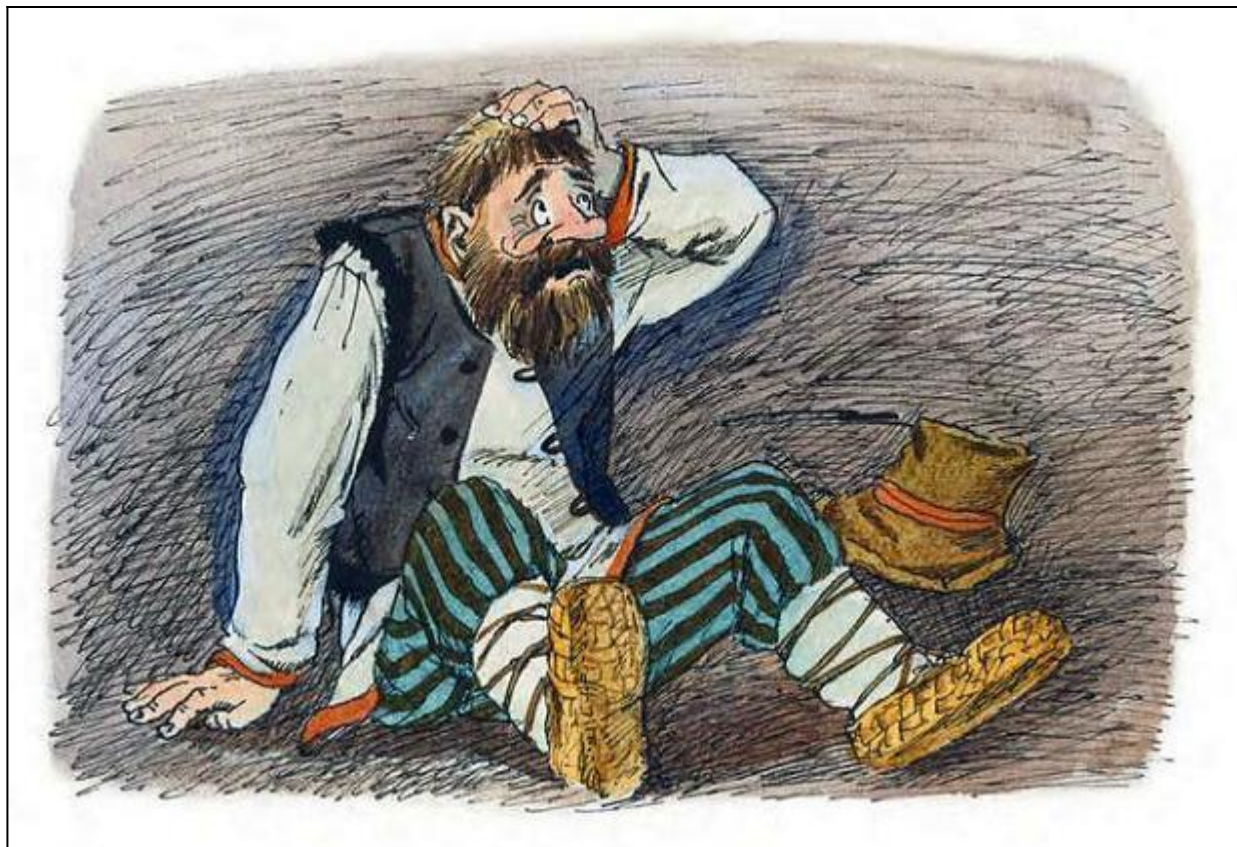

- Глотай меня, Евстифейко, - старик говорит. - Только скажи, где овечка-тихоня?

- Овечка-то? Так она у меня в брюхе.

- Ну глотай, - старик говорит, - разевай пасть.

Вот Евстифейко разинул рот, старик разбежался и прыгнул. И Евстифейко его проглотил. И вот очутился старик у волка в брюхе. Огляделся.

- А здесь ничего, - говорит, - неплохо. Темновато, правда, но уютно. Пошёл старик по волчьему брюху ходить. Бродил, бродил, смотрит - кошечка-судомочка сидит.

- Знаешь чего, - старик говорит, - давай переворот будем делать.

- Какой, - кошка говорит, - переворот?

- А такой. Перевернём весь живот волчий.

Ударили они по рукам и стали переворот делать. Скачут по волчьему брюху - старик кричит, а кошка мяучит. Скоро к ним и другие проглоченные прибежали: и собачка-пустолаечка, и Басуля-коровушка, и овечка-тихоня нашлась где-то в животных закоулках. - Бодай, Басуля, - старик кричит, - волчий живот.

Басуля разбежалась и давай рогом живот бодать.

Евстифейко-то волк говорит:

– Вы чего там в животе делаете? Переворот, что ли?

– Чего надо, то и делаем, – корова говорит. – Брюхо твоё пробадываем, дурак!

Грубая всё-таки корова попалась.

– Бросьте вы эти штуки, – Евстифейко говорит. – Сидите спокойно.

– Нет, – овечка-тихоня вдруг говорит. – Не можем, Евстифейко, спокойно мы сидеть. Потому что ты, Евстифейко, неправильно себя ведёшь.

Прободали волчий живот, и выбрались все на волю. А уж старуха стоит, поджидает. Стали они бабушку целовать.

А Евстифейко-то волк рядом ходит.

– Дайте, – говорит, – хоть ниток-то суровых, брюхо зашить.

Ну, дали ему суровых ниток, зашил он брюхо и укатился в овраги.

